

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ V.

ВЫПУСКИ II — IV.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ОДНОГО ПОРТРЕТА И ОДНОЙ ТАБЛИЦЫ).

Salemann
22/III 91

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1891.

Народныя драматическія представленія въ празд- никъ Холи въ Альморѣ.

(Изъ бумагъ покойнаго И. П. Минаева).

Разбирая бумаги покойнаго Ивана Павловича, я нашелъ нѣсколько листковъ (6 въ четвертку и 2 въ осьмушку) безъ заглавія — повидимому записей, сдѣланныхъ въ Альморѣ лѣтомъ 1875 г., во время перваго путешествія Ивана Павловича въ Индію (судя по относящейся къ этому времени записной книжкѣ). На этихъ листкахъ находится изложеніе 12 народныхъ представленій или игръ, вѣроятно, со словъ купца «Краснаго Хари», которому принадлежать и нѣкоторыя изъ сказокъ, изданныхъ Иваномъ Павловичемъ въ его книгѣ «Индійскія сказки и легенды, собранныя въ Камаонѣ въ 1875 г. СПбургъ. 1877». Эти народныя представленія такъ мало извѣстны и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ характерны и интересны, что мнѣ казалось важнымъ издать ихъ при первой же возможности. О «Красномъ Хари» и о драматическихъ представленіяхъ въ праздникъ Холи Иванъ Павловичъ въ *Очеркахъ Цейлона и Индіи* (стр. 27 — 28) говоритъ слѣдующее: «Онъ (Хари) былъ бабья, т. е. купецъ. Лавки своей онъ не имѣлъ, но занимался розничною торговлею; хаживалъ по домамъ европейцевъ и умѣлъ добывать всякаго рода вещи: кожи, пожи, шали, камни, птицъ, рукописи, все у него было, или все онъ умѣлъ добыть. За все запрашивалъ въ тридорога и очень легко сдавался. Видомъ, цвѣтомъ лица, онъ напоминалъ итальянца, носилъ постоянно плисовую куртку, европейскаго покроя и на голомъ тѣлѣ. Старины, пѣсенъ о дѣяніяхъ древнихъ царей и силачей онъ не зналъ, но сказки комическаго содержанія умѣлъ рассказывать мастерски; въ большинствѣ его сказокъ дѣло шло о купцахъ и кунеческихъ женахъ, и послѣднихъ онъ не щадилъ; женскую лживость рисовалъ самыми мрачными красками. Зналъ онъ также пѣсни, но пѣсни нѣжнаго содержанія и пыталъ самъ сочинять... Какъ пѣвецъ и комикъ, Красный Хари принималъ большое участіе въ драматическихъ представленіяхъ, въ праздникъ Холи. Здѣсь народъ вѣритъ, что въ этотъ праздникъ женскій демонъ, Жвара, получаетъ необыкновенную силу и старается вредить младенцамъ; драматическія представленія, особенно съ нескромными выходками, умплоствляютъ демона и предотвращаютъ зло, какое демонъ въ состояніи сдѣлать. Большинство драматическихъ представленій, импровизируемыхъ на базарѣ, подъ открытымъ небомъ, полны циническихъ выходокъ; но, среди разгара необузданной веселости и нескромныхъ шутокъ, народъ весьма часто откоро-

венно высказываетъ, какъ онъ смотритъ на разныя явленія своей жизни, а потому эти произведенія въ извѣстной степени любопытны. Красный Хари игралъ обыкновенно или факира, или англичанина. По англійски онъ не говорилъ, хотя и пытался, но кромѣ: Yes! или I go! у него ничего не выходило».

Пришлось, по неволѣ, пропустить нѣсколько словъ въ текстѣ (всѣ они отмѣчены), хотя я и старался по возможности ограничить ихъ число, имѣя въ виду, что мотивы подобныхъ сокращеній, понятныя въ книгѣ, написанной для большой публики, волюнѣ неумѣстны въ специальномъ научномъ изданіи.

С. Ольденбургъ.

СПбурзь. 15 Октября 1890 г.

Въ этомъ году, какія игры у насъ были въ *Holi*, тѣ опишу.

1. *Первою* игру играли мы такъ:

Нарядили одного человѣка факиромъ. Вымазали ему тѣло непломъ, покрыли его антилоновою кожею, послѣ этого дали ему въ руки чѣтки (*mâlâ*) и дали ему такъ-же чашу въ руки.

Выходить онъ на *Mephila*, бормоча: Рамъ! Рамъ¹⁾!

— «Господинъ факиръ!» спрашиваемъ мы, «откуда идешь?» Онъ отвѣчаетъ народу, чтобы посмѣяться, такъ:

— «Господа, иду я изъ города Mosari (vulva) въ городъ Lança (penis).

Спрашиваемъ мы его: — «Господинъ факиръ! какъ долго вы жили въ городѣ Mosari?»

А онъ отвѣчаетъ:

— «До тѣхъ норъ жилъ тамъ, пока ребенокъ не родился!»

— «Какъ ваше имя, господинъ факиръ?» спрашиваемъ мы. Онъ отвѣчаетъ:

— «Зовутъ меня: дѣдушка всѣхъ! Значитъ это, что мужъ я матерямъ всѣхъ, что ни есть здѣсь, на *Mephila*».

— «Господинъ факиръ!» спрашиваемъ мы, «дѣтки у васъ есть?»

Отвѣчаетъ онъ:

— «Всѣ, кто ни сидитъ здѣсь, всѣ мои дѣти. И плясунья, что пляшетъ, и другая, обѣ мои жены!»

Слушаетъ его народъ и громко смѣется.

Послѣ этого начинаетъ господинъ факиръ прыгивать: Рамъ! Рамъ!

1) [Обычный возгласъ, — призываніе Râma].

и входитъ на *Merhila*. Стоять онъ тутъ, Рамъ, Рамъ! причитываетъ. На чужое добро поглядываетъ, да Рамъ! Рамъ! причитываетъ.

Говоримъ мы ему: — «Не знаете-ли вы, господниъ «акиръ! какой нп-будь пѣсенки?»

Онъ отвѣчаетъ: — «Спою вамъ, господа, небольшую bhajana!»

— «Отлично!» отвѣчаемъ мы, «пой!»

И говоритъ господниъ «акиръ: — «Стану теперь пѣть, вы слушайте!»

«Какъ народился Kṛṣṇa въ Mathurā,

«Великое веселіе было въ тотъ день тамъ,

«Отецъ съ матерью на улицѣ плясали,

«Въ каждомъ домѣ. . . да жрали.

«Дары раздавали и Mathurcamъ и тѣмъ, что на тамашу смотрѣли.

«Всякъ зажавъ. . . въ руки, шель домой веселый!

«Много всѣмъ даровъ отецъ съ матерью раздали!»

— «Господниъ «акиръ!» говоримъ мы, «спой другую пѣсенку!»

И запѣлъ онъ въ другой разъ:

«Иди на кровать. Ты да я станемъ вмѣстѣ пѣть!

«Станемъ съ кожи кожу стирать!

«Иди на кровать! Ты да я станемъ вмѣстѣ пѣть!

«Черезъ тебя течетъ Гангъ!

«А въ серединку, Господь мой, Сива ворвется!

«Иди и т. д.

И говоритъ онъ подь конецъ: — «Ну, дѣтки, ухожу теперь! Принесъ я вамъ святой подарочекъ, получайте. Для васъ только, досталъ его въ горѣ Лаңда!»

И вытаскиваетъ немного волосиковъ изъ за пояса, у чреслъ; раскладываетъ ихъ по головамъ и, сдѣлавъ такъ, уходитъ.

Всѣ, кто ни видѣлъ эту игру, громко смѣялись!

2. *Вторая игра*. Играли мы въ *Саиба*.

Нарядили одного человѣка Сагибомъ, другаго нарядили *Мемою* [*Мемъ* — сокращенное *madam*]. Нарядили такъ же *бэби*. Натерли мы имъ лица мѣломъ. Набѣлили и руки и ноги и лица.

Сначала вышелъ Сагибъ съ Мемою подь ручку и говорятъ межъ собою: есъ, по, пьямъ, тум, там, гесъ, пшесъ и т. д.

Говорятъ они музыканту: — «Понграй англичанамъ! а мы споемъ англійскую пѣснь и попляшемъ!»

— «Отлично, Сагибъ!» отвѣчаетъ музыкантъ.

И начинаютъ Сагибъ съ мемою плясать, рука съ рукою, нога съ ногою, грудь съ грудью. Пляшутъ и поютъ: Хемари, Фемари, Демари и т. д.

Поютъ они и другую пѣснь:

«Уонъ паиса за хабуль-бабуль.

«Ту паиса за молодку

«Тири паиса за ночку.

«Мемъ хочеть завтракъ!»

И дѣтки стали говорить къ народу: — «и мы попляшемъ и попоемъ». И стали они пѣть и плясать. Вотъ ихъ пѣснь:

«Папа, мама энгири!

«Мама, папа жолли!»

Послѣ этого говорятъ: «хансама! дай намъ ѣсть! Подавай завтракъ!»

Хансама отвѣчаетъ: — «Сударь! завтракъ готовъ!»

Тогда хансама приготовилъ Сагпбу на завтракъ слѣдующее: на изломанномъ деревянномъ блюдѣ два, три башмака.

— «Сагпбъ!» говоритъ хансама, «это отличное, вкусное жаркое!»

Принесъ онъ такъ же кошку, поставилъ на столъ и говоритъ:

— «Сударь! это зажаренный заяцъ!»

Взялъ хансама стаканъ, . . . въ него и говоритъ:

— «Сударь! это чай безъ сливокъ и молока!»

Намѣшалъ онъ муки съ водою и говоритъ:

— «Сударь! масло! первый сортъ!»

Нарѣзалъ змѣю на пять частей и говоритъ:

— «Сударь! европейская рыба! Отличная! вкусная!»

Натеръ бѣлаго стекла и говоритъ:

— «Сударь! Сахаръ! первый сортъ!»

Налилъ въ стаканъ масло и говоритъ:

— «Сударь! Бранди-саробъ!

— «Хансама!» говоритъ Сагпбъ, «Дуракъ, что ты тутъ настряпалъ.

Отъ твоихъ блюдъ воняеть!»

Разсердился Сагпбъ сильно и сталъ браниться:

— «Дось! Пись! Рьясь! Каналья! Ты. . . матери!»

Говоритъ онъ подъ конецъ:

— «Теперь мемъ-сагпбъ хочеть со мною спать!»

Сказавъ это, онъ прибавляетъ:

— «Отлично! спою вамъ еще разъ:

«Ренъ комъ вить [Rain come in].

«На базарѣ воды много!

«Пулицъ сайдъ [Police said].

«Нога поскользнулась, доромъ-домъ!»

3. *Третью игру* играли мы такъ: нарядили плясуна и плясунью. На-

рядили мужчину совершенно какъ женщину. Дали ему sādī (одѣяніе покрывающее тѣло съ головою); надѣли въ уши серьги. Спрашиваемъ его:

— «Плясуны! плясать, нѣтъ умѣешь?»

— «Да! господа: Это наше дѣло! Но мы жены съ мужьями только пляшемъ! Прикажете я мужу плясать!»

Мы отвѣчаемъ: «отлично! пляши!»

Вотъ влѣзли они на длинный бамбукъ и стоятъ на немъ, каждый одною ногою. Послѣ этого заплѣли:

— «Стала я на всю ночь женою отшельника!

«Съ бока на бокъ верчусь, да милаго ищю!

«И нѣтъ около меня мужа!

«Стала я и т. д.

«Разсвѣло и птички заплѣли,

«А я думу думаю, да милаго вспоминаю,

«А милый во всю ночь сладко спалъ!

«И какъ подумая, да милаго вспомню,

«И было у меня желаніе, во всю ночь!

«Да когда-же мой милый прійдетъ, изъ чужихъ странъ другъ!

«И самъ неидетъ и письма онъ не шлѣтъ!

«Какъ я стану коротать почку темную?

«Были бы крылья, полетѣла бы къ милому!

«Будь я рыбка, поплыла бы къ нему!

«И пошла бы я къ нему и прижалась бы къ груди!

«О подружка, какъ мнѣ почку темную скоротать?»

Послѣ этого стала она мужа цѣловать, а мужъ её. И говорятъ вмѣстѣ:
«Ухъ! какъ сладко!»

Послѣ этого выходятъ на средину Мефила и садится мужъ на жену верхомъ.

Сдѣлали они потомъ всѣмъ селамъ и говорятъ, отъ стыда закрывъ лица:

— «Господа! дайте намъ подарочекъ! Мы уходимъ.»

И ушли они.

4. *Четвертая игра.* Нарядили мы *Dhobi* [Человѣкъ занимающійся стиркою бѣлья] и его жену. Нарядили одного человѣка муломъ; наложили на мула много бѣлья. Взялъ *Dhobi* кое-что изъ бѣлья и сталъ мыть. Моетъ да приговариваетъ:—*Sitā!* госпожа *Sitā!* Рама, господь сущъ! Рама, *Sitā!*»

Приходитъ другой *Dhobi*. Увидалъ его первый и говоритъ:—«ступай! попляши маленько!» Сталъ тотъ плясать, и спѣлъ въ началѣ такую пѣснь:

— «Изъ нашего дома выходитъ и пляшетъ женка!

Пляшетъ, тѣломъ пзвивалась!

— «О милая моя женка!

«Когда же я съ тобою посплю!

— «У тебя тѣло бѣлое,

Какъ лимонъ твои груди.

А моя душа жаждетъ!»

Отвѣчаетъ ему жена:

— «Вотъ настанутъ дожди,

И поспимъ мы съ тобою!

Безъ тебя нѣтъ у меня сна,

Дорогой мой, безъ тебя нѣтъ у меня сна!

— «На сто (рупій) украшеніе, на двѣсти нарядовъ,

Да какъ возьму я пятьсотъ деньгамъ,

Такъ прійду съ тобою спать, дорогой мой!»

— «Говорить ей *Dhobi*: «для тебя все готово,

Иди ты въ мой домъ и поспи на моей кровати.

Не сталь-ли я твоимъ!»

Послѣ этого довольная жена пошла въ домъ *Dhobi*.

5. *Пятая игра*. Нарядили мы англійскихъ факпровъ. Начернили углемъ лица четырехъ человекъ. Натерли ихъ такъ, что стали ихъ лица очень черны: дали имъ въ одну руку по чашкѣ, въ другую маленькій барабанъ или *saangani*. Надѣли на нихъ красные плащи.

Поюгъ наборъ англійскихъ словъ.

«Ай зп плизъ, еверъ, еверъ, еверъ, веръ».

Послѣ этого обошли кругомъ съ чашечкою и просили подарочки. Затѣмъ ушли.

6. *Шестая игра*. Нарядили мы пенджабскую женщину и ея мужа. Нарядили такъ же ея любовника.

Не слушается жена мужа, чтобы онъ ей не говорилъ.

— «Хочу рисъ!» говорить онъ ей.

— «А я хочу *colî* (смѣсь рисъ и *dal*. [?]), говорить она въ отвѣтъ. «Не стану варить тебѣ рисъ!»

Заспорили между собою и каждый пошелъ къ печкѣ отдѣльно, готовить всякъ отдѣльно для себя обѣдъ.

Стоять у печки, другъ на друга посматриваютъ да попѣваютъ:

(жена) «Варится мое мѣсиво,

Варится мое мѣсиво!»

(мужъ) «Варится мой рисъ,

Варится мой рисъ!»

Приходитъ любовникъ, позвалъ жену и увелъ её. Мужъ начинаетъ

плакать: «Куда ты, моя дорогая, ушла? Какъ безъ тебя я ночь проведу?»

Насладилась жена съ любовникомъ и приходитъ назадъ.

— «Гдѣ ты была все это время?» говорить мужъ.

— «Ходила ребенка дѣлать тебѣ!» отвѣчаетъ жена.

Разсердился мужъ и ну, бить жену кулаками и башмаками. — «Убирайся ты изъ моего дома!» говорить онъ ей, «непужна ты мнѣ больше!»

А жена обращается къ народу и говорить:

— «Господа! что мнѣ дѣлать! Спала я съ нимъ и не было мнѣ никакого удовольствія! Вотъ и пошла я къ чужому человѣку!»

Услыхалъ народъ женскую рѣчь и много смѣялся.

Приводитъ тутъ какой-то мудрецъ и сказалъ онъ:

— «Скажу вамъ смѣшное по поводу женъ, вы послушайте:

— «Змѣя мудрѣе жена, она гложетъ съ трехъ сторонъ: Злато трагитъ, молодость губитъ и семью безславитъ!

— «Не вѣрь ты женамъ и съ ними не дружись! Тѣло, молодость онѣ губятъ. Ни дома, ни денегъ не щадятъ!»

7. *Седьмая игра.* Нарядили мы *Индисія*. Одного человѣка нарядили *Раумастер-Сагивомъ*. Другаго нарядили какъ Бабу. И многихъ людей нарядили какъ *Инглисія* сипаи. Нѣкоторыхъ изъ нихъ нарядили хромыми, другихъ слѣпыми, одному человѣку подвязали ногу къ ляшкѣ.

Принесли его на носилкахъ (*dāndī*). У носилокъ была одна палка да веревка (т. е. не было ковра). Было ему имя *Кимсингъ-Гурунгъ* и чинъ хавѣл-даръ.

Вотъ говорить *Раумастер*:

— «Бабу! позвать *Кимсингъ-Гурунга*!»

Бабу говорить чупроси (солдату):

— «*Кимсингъ-Гурунга* зови!»

— «*Кимсингъ-Гурунгъ* здѣсь!» кричитъ чупроси.

Тотъ отвѣчаетъ: «да! *Сагивъ*! я здѣсь!» Два человѣка приносятъ его на носилкахъ и ставятъ передъ *Раумастеромъ*.

Спрашиваетъ его *Сагивъ*: — «Ты въ сраженіи какъ отлщился? Покажи свою рану!»

— «Ваше благородіе, отняли у меня ногу, въ войнѣ съ *Битантом* [?]
Извольте смотрѣть, ваше благородіе!»

Говоритъ *Раумастер* опять къ чупроси: — «Позвать *Манвиръ Таппа*!»

— «*Манвиръ Таппа* здѣсь!» кричитъ чупроси.

— «Да! *Сагивъ*! Я здѣсь!» отвѣчаетъ тотъ.

Говоритъ *Сагивъ* ему — «Ты въ битвѣ куда былъ раненъ? Показывай мнѣ свою рану!»

Онъ отвѣчаетъ:—«Ваше благородіе! мою рану нельзя показать!»

— «Коль раны не покажешь и пенсїи не получишь!» говоритъ Сагибъ.

— «Ваше благородіе, отвѣчаетъ Маввиръ Таппа, мнѣ въ сраженїи... по корень отстрѣлили!»

— «Хорошо!» говоритъ Сагибъ, «показывай!» Вотъ онъ скинулъ штаны и показываетъ Сагибу...

Всѣ, кто ни видѣлъ эту игру, много смѣялись.

8. *Восьмая игра.* Нарядили мы одного человѣка женпхомъ, другого невѣстою. Взяли да натерли имъ лица масломъ съ чернилами. И стали они очень черны. Сдѣлали жениху чалму изъ старыхъ ношенныхъ платьевъ и надѣли ему на голову. Посадили его на лошадь, лицомъ къ хвосту. Были и поѣзжане. На головахъ у нихъ были *tali* новыя [шапки низшей касты (Dum) четырехъугольныя]. Были поѣзжане въ барабаны и несли зажженные факелы.

Нужно себѣ представить, что въ это время всякое свадебное дѣло было сдѣлано. И танцовщицы были призваны.

И вотъ, когда свадьбу съиграли, били мы жениха столько башмаками, что онъ отъ боли сталъ плакать и говорить:

— «Батюшки! о батюшки! Съ этихъ поръ, никогда больше не стану свадьбы играть!»

И такъ мы били его, что думаю, во всю жизнь онъ не забудетъ этого!

9. *Десятая игра.* Нарядили мы купца, продавца платьевъ. Другаго человѣка нарядили носильщикомъ, товары носить. Дали ему въ руки аршинъ и книгу для счетовъ. Изъ козьихъ волосъ сдѣлали ему длинную бороду и подвязали платкомъ.

Взошелъ онъ на Мефилъ, сдѣлалъ всѣмъ селамъ и говоритъ: «Рамъ! Рамъ!»

Послѣ этого онъ сказалъ:

— «Господа! въ этомъ году у меня отличные, прекрасные, товары. Красныя шалы у меня есть! Есть у меня отмѣнные туфлы! Станете покупать, такъ я покажу товаръ!»

Тутъ раскрываетъ онъ свой тюкъ, и на первый разъ вытаскиваетъ старую простыню, всю въ лохмотьяхъ, и говоритъ:

— «Милостивые государи! Вотъ отличная, кашмирская шаль. Соткана изъ волосъ, что въ... шестнадцатилѣтней дѣвушки. Цѣна шали не менѣе двухъ сотъ рупїй. Англичанамъ продавалъ за пятьсотъ рупїй; вѣдь это обезьянское отродье ничего не понимаетъ. Вамъ же шаль отдаю за двѣсти рупїй.»

Загѣмъ вытаскиваетъ старый изношенный *чою* (родъ холста) и говоритъ:

— «Милостивые государи! Это отличный, пенжабскій *чою*. Умеръ одинъ Сагибъ, и какъ лежалъ онъ въ гробѣ, нащипалъ я волосъ изъ его бороды. Много лѣтъ ткали этотъ холстъ. Цѣна ему не менѣе пятисотъ рупій! Пару такихъ холстовъ послалъ я одному бессмысленному англичанину. Поправились они ему и отсчитали онъ мнѣ за каждый семьсотъ рупій. — Вамъ же ничего не могу сказать. Ужъ очень ваша жена меня полюбила. Закадычный она мнѣ другъ! Много рупій передавалъ я ей, и думается мнѣ, ужъ не на эти-ли рупіи, что вашей женѣ я передавалъ, вы пришли покупать! Съ васъ я возьму цѣну повыше!»

Услыхалъ эти слова человекъ (что торговалъ холстъ) и сильно разсердился. Но, что ему было дѣлать, застыдился и ушелъ.

Кричитъ ему вслѣдъ Банья (*vanīyā* купецъ):

— «Коль жену пришлешь, такъ даромъ отдамъ; пусть она меня только расцѣлуешь!»

Народъ громко разсмѣялся, слушая эти слова!

Послѣ этого вытаскиваетъ онъ изношенную юбку, и говоритъ:

— «Этотъ товаръ не для васъ! Черезъ эту юбку все нижее тѣло видно. Это даже юбка, англичанкамъ танцовать, чтобы жаръ, во время танцевъ, въ . . . не входилъ. Часто онѣ надѣваютъ эту юбку!»

Слушаетъ народъ и громко смѣется.

Вытаскиваетъ онъ загѣмъ бумажную шляпу и говоритъ:

— «Это корзинка (*dālā*), англичане называютъ ее *тора* (им. правильнаго слова *torī*). Цѣна шляпы не менѣе пяти рупій. Валялась мертвая сова, содралъ я съ нея кожу и сработалъ шляпу!»

Вытаскиваетъ онъ загѣмъ старыя туфли и говоритъ:

— «Господа, это отличные (*boot*) буть, европейскіе! Цѣна имъ не менѣе шестнадцати рупій. Носить ихъ лишь той, у которой семь мужей во дню!»

Слушаетъ народъ и громко смѣется. Послѣ этого раскрываетъ онъ свою книжку и говоритъ: — Нар-лалъ долженъ мнѣ пятьсотъ рупій, Диму [?] двѣсти, Фазлу тысячу. Коль не отдадутъ долги, подамъ на нихъ просьбу, въ судъ. Хочу, чтобы продали ихъ имущество съ аукціона. Иль деньги подавай, или каждый присылай мнѣ жену, на ночьку. Тогда я прошу долгъ. Или пусть скажутъ женамъ, чтобы тѣ дали по поцѣлуу за каждую рупію!»

Говоритъ ему тутъ одинъ человекъ: — «Купецъ! есть у тебя бархатъ? Покажи мнѣ!»

— «Есть у меня отличный бархатъ, отвѣчаетъ купецъ, мягокъ, какъ . . . шестнадцатилѣтней дѣвушки. И за ярдъ та-же цѣна, что за осьмнад-

цятилѣтнюю дѣвушку. Носильщикъ, что у тебя есть юная дочь? коль отдашь её за меня, отдамъ тебѣ весь мой бархатъ, что у меня ни есть! Старъ я, а сердце хочеть молодой женки).

Услыхалъ это тотъ человекъ и сталъ сильно бить купца башмаками. И такъ его прибилъ, что и на другой день онъ забылъ торговать.

Много народъ смѣялся.

10. *Десятая шра.* Нарядили мы Пандита. Надѣли ему на голову рагаді (турбанъ), на брюхо набили немного платья, и сдѣлали толстое брюхо. Надѣли на него *чого* (родъ холста). Дали ему въ руки книгу. Нарядили человекъ восемь, десять учениковъ.

Вотъ пандитъ входитъ на Мефилъ. Народъ его спрашиваетъ:

— «Кто вы?»

Онъ отвѣчаетъ: — «Я учитель учителей въ Миссонъ вскуль [Mission School] и Нормальскуль [Normal School]. И много у меня учениковъ!»

Говоритъ онъ ученикамъ: — «Подите, ребята, читайте урокъ».

— «Отлично, господниъ Пандитъ!» отвѣчаютъ ученики,

— «Сперва прочтите склады,» говоритъ онъ имъ.

«Прочтите склады к + а п т. д.

Начинаетъ Пандитъ склады,

«к + а к, а п т. д. матери твоей. . . .

к к а к к а кай ги твоей матери мужъ, бхай ги (т. е. который чиститъ и выноситъ соръ изъ дому, низшая каста!).

«Прекрасно», говоритъ Пандитъ, «азбуку знаете. Читайте арифметику».

Начинаетъ Пандитъ читать арифметику:

— «Полтора помножить на полтора, ровно два съ четвертью. Полтора помножить на три съ половиною, будетъ три съ половиною.— У твоей матери въ!»

Говоритъ онъ тутъ: — «Отлично, много мы съ вами читали, я усталъ. Ступай одинъ изъ васъ, позови мнѣ Ранди [публичная женщина]. Развеселю немного сердце и вамъ дамъ рекреацию».

Пошелъ мальчикъ къ Ратар'ѣ [публичная женщина], она говоритъ — «мнѣ времени нѣтъ!»

— «Славно» говоритъ на это Пандитъ, «пзъ васъ, ребята, никто не можетъ сдѣлать со мною женское дѣло?»

Услыхали это мальчики и разбѣжались!

Говоритъ тутъ кто-то, на Мефилъ:

— «Господниъ Пандитъ, знаемъ мы, что выуча другихъ, много-учены стали.

— «Вотъ уже шесть лѣтъ, отвѣчаетъ онъ, какъ учу я всѣхъ и въ

Нормальскую и въ Миссонъ вскую. Нѣтъ тамъ никакого достойнаго прикоснуться къ моимъ башмакамъ. Захотѣлось мнѣ непремѣнно побывать въ этой горной странѣ. Слыхалъ я, что жены здѣсь податливы и красивы.

И желательно мнѣ, чтобы пять или семь собралось въ одно мѣсто, туда и я побѣгу.»

11. *Одинадцатая игра.* Сдѣлали мы посылки для мертвыхъ и привезли на нихъ одного человѣка. Накрыли его точно такъ, какъ накрываютъ настоящихъ мертвыхъ.

Впередѣ шелъ одинъ человѣкъ, съ непокрытою головою и распущенными волосами (расплетеннымъ чубкомъ).

— «Батюшка! Батюшка! куда ты ушелъ!» шепчетъ онъ.

Въ то время, какъ мы играли эту игру, было около полуночи; вся Альмора собралась на базаръ, сюда.

— Начали мы играть. Заплакалъ мальчикъ, четыре человѣка подняли носилки на плечи; зажгли факелы и говорятъ: «Рамъ! Рамъ! Истинно это имя!»

Черезъ весь базаръ, на кладбище протащили мы носилки. Въ это время было извѣстно, что кто-то дѣйствительно померъ и нѣкоторые даже очень боялись!

12. *Двадцатая игра.*

Нарядили мы Падишаха и, какъ слѣдуетъ, надѣли на него падишахское одѣяніе. Держали два человѣка на головахъ стулъ и падишахъ сидѣлъ на немъ.

Вотъ Падишахъ пошелъ въ городъ. Визирь говоритъ: — «Хранитель міра! Это городъ Delhi!»

— «Что здѣсь есть отличнаго?» спрашиваетъ Падишахъ.

— «Красивы здѣсь женщины!» отвѣчаетъ визирь.

— «Отлично!» приказываетъ Падишахъ: «прислать всѣхъ въ мой дворецъ. Дарю бѣднымъ двѣ тысячи рупій!» Тутъ онъ туфлею прибилъ носильщика и говоритъ: — «Палки, двигайся впередъ!»

Черезъ нѣкоторое время визирь докладываетъ:

«Хранитель міра! вотъ городъ Utrapan, т. е. городъ бунтовщиковъ».

Падишахъ отдаетъ приказъ:

«Сжечь городъ! И если кто куда либо побѣжитъ, того казнить! Всѣхъ женщинъ, раиди и другихъ, завтра привести ко мнѣ голыми. Какая не прійдетъ, той въ . . . теплой золы набить!»

На другой день, всѣ женщины голыя собралась къ Падишаху. Падишахъ посмотрѣлъ и сталъ доволенъ. Каждой раиди подарилъ пятьсотъ рупій. Отобралъ четыре, пять красивыхъ и въ своемъ домѣ поселилъ.

И. Минаевъ.